

Есть люди, чьи судьбы оптимистичны и просты, как гамма до мажор: от нотки к нотке, от события к событию шагают они вверх «в маршевом ритме с песней веселой». А есть иные, жизненная стезя которых напоминает затейливые арпеджио: через ноту рывок вверх и откат назад, и снова вверх, стартуя с более высокой позиции. Почему-то со школьных времен обязательного музицирования оттачивание арпеджио ассоциировалось у меня с полетом подраненной птицы: рывок через силу к солнцу и падение камнем в бездну.

До сих пор ей с оказией передают длинные списки с приветами и благодарностями от тех, о ком она даже и не слышала никогда. Но люди, знакомые с творчеством Ольги по многочисленным кассетам и компактам, искренне причисляют себя к ее поклонникам и приятелям.

Десять лет назад, когда мы с ней только познакомились,

скоп поэтессе Наталье Капитоновой – Александру Градскому. Тот загорелся, захотел что-то показать Наталье Ветлицкой... Тишина. Питерский директор международных рок-фестивалей Наталья Брум очаровалась сорокинскими песнями – и вдруг приходит известие: она погибла. Записала новый компакт, по знакомству переправила его Михаилу Кругу –

ПТИЦА СУДЬБЫ СО СЛОМАННЫМ КРЫЛОМ

Разложить по нотам судьбу Ольги Сорокиной, несмотря на наше давнее, десятилетней выдержки, знакомство, мне так и не удалось: столь полифонична ее жизнь. Она сама, будучи талантливейшим композитором и аранжировщиком, человеком, который даже в быту мыслит музыкальными фразами, считает, что если и возможно сотворить из ее жизни некий арт-объект, то это будет «очень страшное кино в стиле Стивена Кинга».

«Я родилась в Сибири», – пропела Ольга голосом Маши Распутиной в ответ на мой вопрос: «Как все началось?» Родители (отец – штурман эскадрильи, мама – экономист) профессионально никак не были связаны с музыкой. Однако именно отец решил будущую Ольгину судьбу, отдав ее за руку в музыкальную школу. Пятилетнюю программу по классу аккордеона Оля пролетела в ритме аллегро за три года, оставшись абсолютно равнодушной к инструменту, но буквально помешавшись на сольфеджио. Преподаватели выгоняли ее с экзаменов: «Иди отсюда, и так известно, что у тебя пятерка», поскольку девочка норвила подсказать всему классу.

А далее судьба делает первый извилистый зигзаг и после провала в Пермский педагогический на иняз забрасывает бывшую десятиклассницу в... мелиорацию. Там она числилась сразу на двух должностях – инженера-мелиоратора (!) и секретаря-машинистки. А поскольку ей одинаково далеки были обе эти стези, она разъезжала с простодушным шофером по полям по служебным надобностям и без умолку напевала мелодии собственного сочинения. Но шофер такого активного «окуляривания» своей жизни не принял, заявив: «Не люблю я вашу музыку, а, напротив, люблю чай с селедкой». С мелиорацией было покончено.

Потом были годы учебы в педагогическом институте в Шарье Костромской области (мама оттуда родом), на музыкальном отделении художественно-графического факультета. Тогда же Ольга впервые начала писать песни. «Если учесть, что мне было 17, то что же это выходит – я пишу песни

уже четверть века? Не вздумай упоминать об этом – это же не судьба, а диагноз!»

Надо сказать, что пишет Ольга так же легко, как и дышит: «Для меня это естественный физиологический процесс». На любую заданную тему, в любом стиле – от изысканного джаза до приклатенной «Мурки», и все это в течение выкуривания одной сигареты. Но то, что выходит изпод пера Сорокиной, ни в коем случае нельзя отнести к столь популярному уже более полувека жанру авторской, самодельной песни. Ее музыка интеллектуальна, объемна, насыщена энергетикой столь высокой пробы, что, единожды спев что-то «сорокинское», уже подсаживаешься на эти мелодии, как на наркотик. И не в обиду будет сказано поклонникам нежно любимых мною песен Визбора и Кукина, после Сорокиной петь «А я еду, а я еду за туманом» – это все равно что давиться пресной овсянкой после изысканной трапезы в ресторане.

За четвертьвековое служение авторской песне Ольга Сорокина объездила все сколько-нибудь известные фестивали, выступала с авторскими концертами по всей стране, подняла на крыло не один десяток начинающих музыкантов.

Ольга преподавала в Ярославском педагогическом институте и руководила композиторской лабораторией для детей, готовилась к открытию рок-театра. И музыка была написана для первого спектакля, и даже костюмы сшиты... Было, казалось, все, что нужно творческому человеку для счастья: душевное равновесие, признание, популярность и, конечно же, музыка. И вдруг бодрое, рвущееся «все выше, и выше, и выше» мажорное арпеджио судьбы обрывается. Несколько лет об Ольге Сорокиной ничего не было слышно. Поговаривали, что она переехала в Москву, что у нее блестяще складывается карьера, что ее песнями заинтересовались многие популярные певцы. Потом и слухи иссякли.

Здесь вскользь, как бы это ни было неприятно, придется упомянуть о злом гении в Ольгиной жизни – ее муже. Человек, безусловно, не без способностей (одно время его звали в ансамбль «Песняры»), но он предпочитал работе лежание на диване), он остро почувствовал, что из Ольгиного таланта можно сделать большие деньги. Соблазнил ее Москвой, близким знакомством с известными персонами в шоу-бизнесе, наобещал золотые горы... Вылились эти обещания в то, что Ольга, чтобы прокормить детей, не один год работала в столице уборщицей, дворником, чистила мусорные баки. Даже инструмент для частных уроков пришлось поставить у сурдобольной соседки – нервный супруг не выносил шума.

С шоу-бизнесом вышла вообще какая-то чертовщина. Шацкий, послушав альбом, был в восторге. Но для продвижения песен выше намекнул, что неплохо бы рядом с фамилией Сорокиной поставить и его имя. Ольга отказалась, Шацкий обиделся. Но кассету с песнями не вернул. Отправили другой альбом – Ольгины песни на стихи костром-

певец умирает... «Ты знаешь, сейчас молось об одном: только бы у Валерия Сюткина до моего альбома руки не дошли. Хоть и мистика сплошная, но боюсь!»

Везде в Москве она наталкивалась на одну и ту же стену: «Вы от кого?» Одна песня «там, наверху» стоит от 3 до 8 тысяч долларов. Захочет ли кто делиться лакомым куском с безмерно талантливой, но никому не известной музыканткой? И все-таки кое-что ей удалось: выступила в театре на Таганке на фестивале актерской песни памяти Высоцкого, получила предложение от Елены Камбуровой участвовать в фестивале имени Миронова... Не получилось, потому что муж не отпустил!

Было время, когда Ольга отчаялась. Считала, что эта паутина, вяжущая ее по рукам и ногам, – расплата за годы увлечения Востоком. Маятник кинола свою жизнь в другую сторону: бросив «престижную» столицу, вернулась в Шарью с двумя детьми на руках, ушла жить в сторожку при церкви, истово молилась, стала послушницей. Два года работала в кочегарке при церкви, горничной в приюте для странников и смиряла, смиряла гордыню – уже не ради себя, ради детей.

Недавно она вернулась в Ярославль. Впервые за много лет вновь начала преподавать музыку. В камерном театре в минувшем сезоне прошло несколько ее концертов в музыкальной гостиной.

Птица Ольгиной судьбы со сломанными крыльями, залечив раны, вновь рвется в небо. Ей не жаль сотен потерянных, украденных у нее песен: «Я еще напишу, пусть воруют». Она снова выступает, хоть и призналась, что за эти страшные, выматывающие годы отвыкла от сцены, от публики. С удовольствием играет джаз, есть проекты совместного выступления с известной ярославской пианисткой Натальей Бауровой, пишет аранжировки для популярного среди КСПшной среды «Ленконцерта». И каждому с легким сердцем предлагает: «Хотите, я напишу для вас песню? Вы можете подождать пять – семь минут?»

Лариса ДРАЧ.